

УДК 316.44

УЛУЧШЕНИЕ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ В НАДЕЖДАХ И ПЛАНАХ КАЛУЖАН: ИТОГИ ОПРОСА

© 2016 г.

А.Ю. Казакова

Калужский госуниверситет им. К.Э. Циолковского

kazakova.a.u@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 30.11.2015**Статья принята к печати 22.01.2016*

На основе репрезентативных эмпирических данных, отражающих территориально-поселенческую и социально-демографическую структуру городского и сельского населения Калуги ($n=1536$, $p=0.95$), в сентябре – декабре 2014 г. методами корреляционного и регрессионного анализа выявляются переменные, определяющие характер сделанных респондентами автопрогнозов улучшения жилищных условий, включая выбор конкретных способов, которые они надеются использовать для этой цели.

Анализируя данные, мы стремились вычленировать доминирующие факторы недовольства жилищными условиями из числа двух наборов переменных: первая группа характеризовала городскую среду (безопасность, благоустроенность, комфорт и транспортная доступность и т.д.), вторая группа факторов – жилище как ближайшее жизненное пространство респондента (собственность, отдельность, оснащенность инженерными коммуникациями и современными техническими устройствами, площадь и т.д.). Эта задача является достаточно новой, поскольку рейтинговые исследования регионов, как правило, не предполагают детализации характеристик жилищных условий, которые являются объективными источниками (не)удовлетворенности жителей и определяют интенсивность итоговых субъективных оценок.

Уровень благоустроенности района – фактор, который наиболее сильно из всех характеристик городской среды влияет на удовлетворенность жилищными условиями или на желание их сменить, улучшить. Среди характеристик самого жилья главный – его отдельность.

Надежда выражена тем сильнее, чем респондент моложе, и не зависит от уровня образования, наличия работы, состояния здоровья.

Планы оформлены тем отчетливее, чем больше респондент надеется на рост уровня жизни в будущем году. Прогнозирует его у себя лишь 31% тех, кто надеется на улучшение жилищных условий, 32% тех, кто надеется на их улучшение за счет личных средств, и 26% тех, кто надеется решить эту проблему за счет займов. Сама доля рассчитывающих улучшить жилищные условия в будущем году мала (5% – 18% + 5%). Уровень благосостояния калужан в ближайшем будущем по-прежнему окажется недостаточным для массового улучшения жилищных условий.

Данный вывод определяет практическую значимость исследования в качестве инструмента прогнозирования потребностей горожан в жилье как части процесса управления развитием городских территорий.

Ключевые слова: динамика жилищных условий, субъективное экономическое благополучие, автопрогнозы, опрос.

Введение

Источником социальной напряженности может служить социальное сравнение не только в пространстве (полисубъектное), но и во времени (моносубъектное). Незначительное снижение качества жизни способно лишить обеспеченного человека уверенности в завтрашнем дне в большей степени, чем отсутствие видимых улучшений в условиях привычной бедности. Морально-психологическая устойчивость населения в кризисной ситуации во многом зависит и от уровня текущего благосостояния, и от оптимистического или пессимистического образа ближайшего будущего.

Оптимизм и пессимизм как социально-исторически обусловленное состояние массовой психологии и «разнонаправленной практической ориентации в мире» личности [1, с. 87] чаще всего изучается как самостоятельная характеристика социума – индикатор его благополучия [2], в том числе субъективного экономического благополучия [3]. Сегодня оформилась ясная и методически оснащенная методология их измерений [4], определения детерминант и корреляторов их варьирования [5], в том числе внеэкономических [6], оценки их адаптационных возможностей [7], в том числе внеэкономических [8], так или иначе связанная с применением в российских условиях американских мо-

делей ощущаемого качества жизни А. Кэмпбелла, субъективного экономического благополучия Б. Струмпел [9].

Однако нас интересует не «уровень счастья» и не мотивирующая или демотивирующая сила оптимизма по отношению к достижению экономических целей. Нас интересует степень адекватности бытового автопрогноза, подчиняющегося логике спонтанного социального познания, реальной вероятности повышения или понижения респондентом своего благосостояния и соответственно – возможность опираться на этот субъективный образ будущего при построении научно-поисковых прогнозов социально-экономического развития территорий. Особая значимость прогностической функции уровня оптимизма/пессимизма в кризисных условиях уже подчеркивалась в работах Н.Н. Седовой [10].

Насколько нам известно, подобный подход редко получал практическую реализацию на собственной репрезентативной эмпирической базе исследователя. Наиболее близка нам методологически и методически работа Л.Е. Кесельмана, В.Б. Звоновского, М.Г. Мацкевича «Социальная детерминация индивидуального сознания в трансформирующемся обществе», в которой эффекты «взаимосвязи индивидуально-пессимизма/оптимизма с релевантным социальным контекстом» [11] получили концептуализацию в модели «воронка катастрофизма».

Но обычно проблема бытовых автопрогнозов рассматривается применительно к уровню доходов, финансовой обеспеченности, защищенности инвестиций и не распространяется на жилищную сферу, и потому предпринимаемая нами попытка определить меру воздействия образа внешней среды и ее неконтролируемых обстоятельств на образ личного будущего обладает научной новизной и теоретической значимостью. Актуальность ее рассмотрения в контексте планов населения по улучшению жилищных условий определяется изношенностью жилфонда, низкой экономической доступностью покупки и аренды жилья, сильной территориальной диспропорцией между качеством городского и сельского жилья: «Социологические опросы показывают, что по крайней мере половина россиян хотела бы улучшить свои жилищные условия, но лишь 5–10% населения страны в состоянии претворить эти желания в реальность. При этом запросы большей части респондентов весьма ограниченны и сводятся к пожеланиям обеспечения минимальных условий жизнедеятельности... Жилищные запросы большинства россиян, даже в мечтах, невысоки.

Редко кто из наших сограждан грезит о роскоши. Для многих участников опроса отдельная (пусть даже небольшая) квартира, элементарные удобства и ремонт уже составляют предмет мечтаний» [12].

В Калуге, как и в целом в стране, жилищная проблема является едва ли не самой острой и решается с трудом. Оценке калужанами личных перспектив решения жилищной проблемы посвящена данная статья, выполненная по итогам проведенного автором в сентябре – декабре 2014 г. исследования ключевых проблем развития городских и сельских территорий муниципального образования «Город Калуга».

Методика исследования

Использовалась двуступенчатая квотная районированная выборка. В качестве генеральной совокупности рассматривались совершеннолетние жители города; не имея сведений об их территориальном распределении по микрорайонам, структуру выборки мы привязывали к границам избирательных округов и количеству избирателей в них, общая численность которых на 01.01.2014 г. составила 283443 человека. Объем выборочной совокупности рассчитан по доле каждого округа в численности электората при $t = 2$ и $\Delta = 0.05$. Расчетное и фактическое значение объема выборки составило 1536 человек. В целом опрос охватил всё пространство жилых районов города; контролировалось соблюдение пропорциональности половозрастных квот, а также присутствие в выборке всех типов жилья (индивидуальные и многоквартирные жилые дома, в том числе с коммунальными квартирами и общежития). Таким образом, выборка является репрезентативной как с точки зрения территориального размещения населения, так и с точки зрения его социально-демографической структуры.

Данные обработаны в 20-й версии программы IBM SPSS Statistics с использованием непараметрических критериев оценки значимости распределений, сравнения множественных и частных корреляций и регрессионного анализа.

Результаты исследования

Как и следовало ожидать, улучшение жилищных условий в ближайшем будущем планирует лишь небольшая часть опрошенных: 18%.

Непараметрическая проверка на уровне значимости 0.05 по одновыборочному критерию Колмогорова – Смирнова соответствия нормальному распределению ответов на данный

вопрос со значимостью 0.00 показала, что в масштабах всего города эти вариации неслучайны. По тому же критерию были отклонены и нулевые гипотезы о нормальном характере распределения множественного выбора способов, на которые возлагают надежду респонденты, ориентированные на улучшение жилищных условий: расселение (26%), родственные сделки (16%), личные средства (26%), займы (33%), иные способы (27%).

Функция автоматизированного линейного моделирования регрессии для переменной «Надежда улучшить жилищные условия в ближайший год» показала необходимость рассмотреть ряд предикторов, указывающих на значимость социально-демографического и социально-экономического статуса респондентов, а также ожиданий неких значимых воздействий со стороны внешней среды (переменная «Ожидаемые важные события в жизни Калуги»).

Сопоставление множественных и частных корреляций показывает, что целый ряд связей – ложные. Корреляционная связь была установлена с помощью коэффициента Пирсона (r).

Так, связь с состоянием здоровья ($r = 0.233$ на уровне значимости 0.000) оказывается детерминированной возрастом и полностью исчезает в условиях исключения данной переменной (сила частной корреляции 0.033 на уровне значимости 0.198), да и сама переменная возраста ($r = -0.280$ на уровне значимости 0.000) без «поддержки» переменной состояния здоровья, хотя и сохраняет значимость 0.000, но теряет силу (-0.152). Изначально слабая множественная корреляция с уровнем формального образования ($r = 0.091$ на уровне значимости 0.000) при исключении составной медико-демографической переменной «Возраст*Состояние здоровья» теряется вовсе (сила частной корреляции 0.038 на уровне значимости 0.136). Так же ведут себя переменные брачности, детности, численности домохозяйства: легкая связь в условиях множественной корреляции опосредована возрастом, а в отсутствие переменной возраста связь исчезает; гендерная дифференциация отсутствует абсолютно (корреляций нет – ни частных, ни даже множественной). Неважным оказывается, работает ли человек: слабая связь с оплачиваемой занятостью ($r = 0.058$ на уровне значимости 0.024) при исключении переменной возраста слабеет ($r = 0.017$) и теряет значимость (0.504).

Таким образом, только оптимизм молодежи и вера в некие внешние перемены («Ожидаемые важные события в жизни Калуги») позволяют надеяться, что при наличии работы и хорошего

образования можно решить жилищную проблему. Как показал регрессионный анализ, переменные «Возраст*Состояние здоровья*Ожидания значимых событий в жизни Калуги» вместе объясняют лишь 6% дисперсии признака наличия планов на улучшение жилищных условий ($R^2=0.061$, скорректированный $R^2=0.059$; F -критерий для модели = 32.845 со значимостью 0.000), причем переменная состояния здоровья оказывается избыточной, так как надежность регрессионной модели при ее исключении только повышается ($R^2=0.059$, скорректированный $R^2=0.058$; F -критерий для модели = 47.909 со значимостью 0.000).

Следовательно, субъективный фактор оптимистичности и активности едва ли способен существенно исказить картину прогнозной динамики жилищных условий калужан, которая в реальности будет определяться иными – объективными – факторами.

Вопреки нашим ожиданиям, значимость территориально-поселенческого статуса для данной переменной не связана с функциональной зоной города: жители исторического и молодого центра, окраин и пригородов значимо не отличаются друг от друга в своем стремлении менять или не менять жилищные условия. Существенные для них отличия состоят в наборе способов, которыми рассчитывают воспользоваться те из них, кто на это нацелен. Как показывает сравнение средних, жители пригородов менее всех рассчитывают справиться с жилищной проблемой самостоятельно, улучшая жилищные условия из личных средств и за счет займов, и чаще всех рассчитывают на расселение.

Переменная места жительства респондента значима для выраженности надежд на улучшение жилищных условий не в контексте оппозиций «центр – периферия», а с точки зрения признаков, позволяющих рассматривать район как расширенную характеристику самих жилищных условий, их качества (предиктор «Уровень благоустроенности района»). Неслучайность распределения значений «Личные сделки как способ улучшения жилищных условий» проверена на уровне значимости 0.05 по критерию Краскала – Уоллиса для двух независимых выборок; нулевая гипотеза об одинаковом характере распределения отклонена со значимостью 0.006. Чем выше благоустройство, тем меньше потребность менять жилищные условия. Те же, кто хочет их изменить (из числа живущих в районах со скудной инфраструктурой), вдвое чаще рассчитывают на личные средства, чем на прочие способы улучшения жилищных условий.

Иные характеристики района, формирующие качество жизни его обитателей, – наличие специфических для него затажных проблем, уровень благоустройства придомовой территории, безопасность – не влияют на планы улучшения жилищных условий. Едва заметная отрицательная связь прослеживается между престижностью района и надеждой на расселение (чем ниже престиж, тем она больше). Переменная престижа имела слабую отрицательную корреляцию Пирсона и с надеждой на улучшение жилищных условий в целом, но самостоятельного значения она не имеет: связь нулевая, если исключить оценку текущих жилищных условий.

Ключевой критерий этой оценки – отдельность жилья семьи, независимо от численности домохозяйства, количества детей, состояния в браке, возраста (связь слабая отрицательная, но значение ее не меняется в условиях частных корреляций). Ни площадь, ни наличие инженерных систем и коммуникаций (нулевые корреляции переменных с анализируемой), ни престижность района не компенсируют отсутствия у семьи пространственной автономии, причем по отношению как к посторонним людям – соседям, так и к членам домохозяйства из числа родственников.

Калужане оказываются толерантны к плохому качеству жилищных условий: лишь самые негативные оценки связаны с острым желанием (планами) их улучшить.

Но возможности этого улучшения едва ли дают основания для оптимизма. Наиболее «сильной» переменной по отношению к надежде улучшить жилищные условия выступает, как и следовало ожидать, переменная субъективного экономического благополучия. Но благополучия не актуального в момент опроса, а того, который респондент видит у себя в будущем (частная корреляция без переменной возраста 0.386, а без переменной текущего уровня жизни 0.594 со значимостью 0.000), ожидая, что уровень жизни изменится в течение года с момента опроса (частная корреляция без переменной возраста 0.282, а без переменной текущего уровня жизни 0.326 со значимостью 0.000).

Текущий уровень субъективного экономического благополучия не является значимым в условиях множественной корреляции, что не меняется даже при исключении возраста. В условиях исключения переменной ожидаемого уровня жизни в ближайший год связь субъективного уровня жизни с анализируемой переменной оказывается слабо отрицательной ($r = -0.101$ со значимостью 0.000). То есть в

10% случаев чем выше уровень жизни, тем меньше и стремление улучшить жилищные условия (они удовлетворительны).

Что касается имевшей место за год до опроса динамики уровня жизни, то связь заметная, особенно в условиях исключения нынешнего уровня жизни. Для каждой социально-экономической группы выполняется условие: чем больше выросло за год до опроса субъективное экономическое благополучие, тем больше человек надеется улучшить жилищные условия (частная корреляция без переменной текущего уровня жизни 0.170 со значимостью 0.000). При этом калужане линейно проецируют размах уже совершившейся динамики на размах динамики через год: и множественная, и частная корреляция, даже при исключении переменных текущего уровня жизни и возраста, равна 1. Но у групп, выделяемых по текущей оценке качества жилья, значения хорошо согласованных переменных ожидаемой динамики изменения материального положения и жилищных условий существенно ниже среднего; рассогласованные значения указывают, что динамика жилищных условий едва ли возможна по причине отсутствия либо средств, либо желания.

Таким образом, ответ на вопрос: «Рассчитываете ли Вы улучшить жилищные условия в будущем году?» – зависит от переменных, значения которых характеризуют наличие подавленной потребности (отдельность жилья, численность домохозяйства, оценка жилищных условий, наличные «удобства», название района, оценка благоприятности условий жизни в районе) и выраженность надежды на позитивные перемены (ожидания улучшения материального положения в будущем году, возраст, ожидания значимых событий в жизни Калуги в будущем году), но не обоснованность этих надежд.

Элемент рационального подхода в планах наблюдается в выборе конкретных способов, которыми намерены воспользоваться респонденты для решения жилищной проблемы.

На расселение надеются те, кто живут в многоквартирных домах с частичными удобствами (важность предиктора = 0.20), в расширенном домохозяйстве (важность предиктора = 0.05), в пригородной зоне и – в меньшей степени – в старых (исторических) районах города (важность предиктора = 0.15), выделяют специфические для района проблемы (важность предиктора = 0.02), а также ожидают, что в будущем году в жизни их микрорайона произойдут некие значимые события (важность предиктора = 0.02; с содержательной точки зрения большинство

этих ожиданий связано так или иначе с жилищным строительством и программой переселения из ветхого и аварийного жилья).

На родственные сделки чаще всех рассчитывает студенческая молодежь (важность предиктора «Образование» = 0.03, значения – «высшее/неоконченное высшее образование»): холостые (важность предиктора = 0.03), живущие в родительской семье численностью от 3 человек (важность предиктора «Численность домохозяйства» = 0.02) уроженцы Калужской области, Калуги или района – места проведения опроса (важность предиктора = 0.02), которым чаще всего является та же пригородная зона или «спальные» районы советской застройки (важность предиктора «Название района» = 0.57), не удовлетворенные жилищными условиями из-за отсутствия удобств полностью или частично (важность предиктора = 0.10).

К личным сделкам респонденты мотивированы тем более, чем менее престижен район (важность предиктора = 0.02), чем меньше в их жилье «удобств» (важность предиктора = 0.16), чем выше их субъективный уровень жизни (важность предиктора = 0.04) и ниже – оценка жилищных условий (важность предиктора = 0.12), чем больше размах динамики уровня жизни за год перед опросом (важность предиктора = 0.06), а также уверенность в том, что он будет продолжать расти (важность предиктора = 0.15), и наиболее характерны эти ожидания для молодых родителей (важность предикторов «Количество детей» и «Возраст» = 0.03) из центральных районов города, но не исторического центра (важность предиктора = 0.25).

Взаимосвязи переменной займов как средства улучшения жилищных условий похожие. Респонденты готовы брать в долг тем чаще, чем менее престижен район (важность предиктора = 0.02), чем меньше в их жилье «удобств» (важность предиктора = 0.11), чем ниже оценка жилищных условий (важность предиктора = 0.02), но выше ожидаемый уровень жизни в ближайший год (важность предиктора = 0.03) и уверенность, что он будет расти (важность предиктора = 0.07). Эти ожидания могут быть сильно завышены, поскольку важность предиктора «Возраст» равна 0.06.

Отличия состоят в том, что кроме престижа района здесь важна оценка благоприятности условий жизни уже не в районе, а в Калуге в целом (важность предиктора = 0.02). Важны негативные ожидания, касающиеся внешних событий, связанных с экономической сферой (важность предиктора = 0.02), наличие рисков, с которыми, по мнению респондента, сопряжено

проживание в его доме (важность предиктора = 0.07), а значимость местоположения жилья максимальная (важность предиктора «Наименование района» = 0.55).

Признаки районов, жители которых наиболее склонны прибегать к займам, различны: 23-й округ (всего 25 округов) включает несколько пригородных населенных пунктов и окраинный микрорайон с низкой транспортной доступностью и слабо развитой инфраструктурой; 15-й – район молодого центра с высокой экологической и транспортной нагрузкой и постоянными ДТП. Соседний 16-й, часть которого является историческим, часть – новым центром, характеризуется наименьшей среди всех центральных районов с многоквартирной застройкой обеспеченностью квартир «удобствами».

Едиственный критерий, по которому данные округа можно объединить, – выпадающие за пределы контрольного диапазона (в те же 3σ) значения переменной «Риски дома», означающей, что респонденты фиксируют наличие опасностей и угроз, с которыми они могут столкнуться непосредственно в пределах своего ближайшего – домашнего – жизненного пространства (соседи-люмпены, пожароопасная электропроводка, обрушения штукатурки и пр.).

Таким образом, можно прийти к выводу, что жилищные займы для населения – одна из «крайних» мер, нежелательная тактика не экономического, а территориального самосохранительного поведения. И детерминируется она не стратегией повышения качества жизни, а стратегией избегания риска.

К «иным способам» решения жилищной проблемы респондент собирается прибегнуть тем чаще, чем менее престижен район (важность предиктора = 0.48), чем менее благоприятными он считает условия жизни в Калуге (важность предиктора = 0.03) и свои жилищные условия (важность предиктора = 0.04), что нередко связано с недостаточностью «удобств» (важность предиктора = 0.08), чем больше у него детей (от 4; важность предиктора = 0.04) и, соответственно, членов в его домохозяйстве (5–6 и более; важность предиктора = 0.07), чем хуже динамика его субъективного экономического благополучия (важность предиктора = 0.06), чем более он уверен в грядущем изменении материального положения (важность предиктора = 0.09). Кроме того, наблюдается слабая прямая связь с уровнем опасности, сопряженной, по мнению респондента, с проживанием в его доме и городе в целом, но при этом с уверенностью в собственной личной безопасности. Поскольку ни регрессионный, ни дисперсионный анализ не

дает достаточно надежных статистик, которые позволили бы конкретизировать эту картину, мы можем только предположить, что речь здесь может идти о действиях или помощи извне, связанных с изменением демографической ситуации: переселение на жилплощадь супруги/супруга, наследство, собственный переезд в другую местность или уход из дома выросших детей. Статистика Ливиня для проверки однородности дисперсий переменной «Иные способы» для факторных групп «Возраст» невысока (9.5 со значимостью 0.00), и надежность разбиения на группы в соответствии с апостериорным критерием Дункана невысока также. Но максимум выборов данного варианта ответов приходится на возрастные группы 18–20 и 41–50 лет – стадии жизненного цикла, связанные с существенными изменениями характеристик социально-демографического статуса, что может свидетельствовать в пользу нашего предположения.

Выводы

Уровень благоустроенности района – фактор, который наиболее сильно из всех характеристик городской среды влияет на удовлетворенность жилищными условиями или на желание их сменить, улучшить. Среди характеристик самого жилья главный – его отдельность.

Надежда выражена тем сильнее, чем респондент моложе, независимо от уровня образования, наличия работы, состояния здоровья.

Планы оформлены тем отчетливее (присутствует не только надежда, но и версия о наиболее вероятном для респондента способе улучшения жилищных условий), чем больше респондент надеется на рост уровня жизни в будущем году. Прогнозирует его у себя лишь 31% тех, кто надеется на улучшение жилищных условий, 32% тех, кто надеется на их улучшение за счет личных средств, и 26% тех, кто надеется решить эту проблему за счет займов. Сама доля рассчитывающих улучшить жилищные условия в будущем году мала (5% – 18% + 5%).

Таким образом, даже если ожидания роста благосостояния у части респондентов оправдаются, его общий уровень по-прежнему не будет достаточен для массового улучшения жилищных условий.

Полученные нами результаты согласуются с данными других исследователей. В частности, анализируя показатели жилищной обеспеченности населения Самарской области на фоне жителей РФ в целом, О.Ф. Чистик в работе «Ста-

стистическое исследование жилищных условий населения Российской Федерации» выявляет колебания значений удельного веса ветхого и аварийного жилья в составе жилищного фонда. Автор приходит к выводу, что «неясный характер поддержки нуждающихся в улучшении жилищных условий, дисбалансы в структуре строительных организаций, исчерпание производственных резервов ... ставят под сомнение способность региональных властей и местных строительных компаний собственными силами решать задачи, поставленные Указом Президента РФ № 600» [13, с.72–73]. Это означает, что доля лиц, испытывающих жилищную депривацию, десятилетиями остается фактически неизменной как в регионах, так и в стране в целом.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Калужской области, проект № 15-13-40601 е(р) – «Социальные факторы сохранности исторической памяти как основы территориальной идентичности локальных городских сообществ».

Список литературы

1. Муздыбаев К. Оптимизм и пессимизм личности // Социологические исследования. 2003. № 12. С. 87–96.
2. Нугаев Р.М., Нугаев М.А. Качество жизни в трудах социологов США // Социологические исследования. 2003. № 12. С. 100–105.
3. Хащенко В.А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология. 2011. № 1. Т. 4. С. 106–127.
4. Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г. Экономический оптимизм/пессимизм в трансформирующемся обществе // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 39–54.
5. Sirgy M.S. (Ed.). *New Dimensions of Marketing/Quality-of-life Research*. Westport: Greenwood Publishing Group, Inc., 1995. 381 p.
6. Вахштайн В., Степанцов П. Интервью от 01.07.2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/13676621/osobennosti-rossijskogo-optimizma> (дата обращения: 26.02.2015).
7. Дудник О.В. Жизненные стратегии северян в условиях трансформации российского общества: Автореф. дис. (22.00.04). М.: Электронная библиотека диссертаций, 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/zhiznennye-strategii-severyan-v-usloviyakh-transformatsii-rossijskogo-obshchestva> (дата обращения: 26.02.2015).
8. Шведовская А.А., Загвоздкина Т.Ю. Социально-экономический статус семьи и психическое развитие ребенка: зарубежный опыт исследования // Психологическая наука и образование. 2013. № 1. С. 65–76.

9. Strümpel B. Economic well-being as an object of social measurement // Strümpel B. Subjective Elements of Well-Being. Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 1974. P. 75–122.

10. Седова Н.Н. Современное российское общество: между оптимизмом и пессимизмом // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 6 (94). С. 164–182.

11. Кесельман Л.Е., Звоновский В.Б., Мацкевич М.Г. Социальная детерминация индивидуального сознания в трансформирующемся обществе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/35.html>. (дата обращения: 26.02.2015).

12. Мартынюк И.А. Жилищная сфера современной России в контексте изменений ее социокультурных характеристик: Дис. ... канд. соц. н. Ростов-на-Дону, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/zhilischnaya-sfera-sovremennoy-rossii-v-kontekste-izmeneniy-ee-sotsiokulturnykh-harakteristik#ixzz3sqE1qmXl> (дата обращения: 29.11.2015).

13. Чистик О.Ф. Статистическое исследование жилищных условий населения Российской Федерации // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014. № 10. С. 71–79.

IMPROVEMENT OF HOUSING CONDITIONS IN THE HOPES AND PLANS OF KALUGA RESIDENTS: POLL RESULTS

A.Yu. Kazakova

Tsiolkovsky Kaluga State University

Based on empirical data collected in September - December 2014 representing territorial settlement and socio-demographic structure of urban and rural population of Kaluga ($n=1536$, $p=0.95$), the author identifies, by using correlation and regression analysis, the variables that define the essence of living conditions improvement self-predicted by respondents including their choices of means which they hope to use for this purpose.

When analyzing the data, we sought to isolate the dominant factors of dissatisfaction with living conditions from two sets of variables: the first group characterized the urban environment (safety, livability, comfort and transport availability, etc.), the second group of factors characterized the dwelling as the respondent's closest living space (being own property, separate, equipped with engineering services and modern technical facilities, available area, etc.). This task is rather new since rating research of regions, as a rule, does not involve specification of characteristics of living conditions which are objective sources of satisfaction or dissatisfaction of residents and define the intensity of total value judgment.

The level of comfort in the district is the main factor among the set of the urban environment specifications influencing satisfaction with current housing situation or desire to change and improve it. The main criterion of the housing quality is separate dwelling.

The younger the respondent, the stronger the hope, irrespective of his/her level of education, job and health.

The more the respondent hopes for the growth of living standards in the coming year, the clearer the plans. Only 31 % of those respondents who hoped to improve housing conditions, 32 % of those ones who hoped to improve housing conditions thanks to their personal funds and 26 % of those respondents who hoped to solve the problem through loans, predict the growth of their living standards. The share of those who expect to improve their living conditions in the coming year is quite small (5% - 18% + 5%). Therefore, the level of welfare of Kaluga residents in the nearest future will remain insufficient for the improvement of housing conditions on a mass scale.

This conclusion confirms the practical importance of our research as an instrument to forecast the needs of citizens for housing as part of the process of management of urban development.

Keywords: dynamics of housing conditions, subjective economic well-being, self-predictions, poll.